

Так повторялось несколько раз, пока обе не выбились из сил. Хэ Янься уже давно тяжело дышала, а всё её тело ныло от усталости. Му Цзышань тоже смотрела перед собой затуманенным, остекленевшим взором, долго вглядываясь в какую-то точку в пустоте, после чего наконец закрыла глаза и провалилась в глубокий сон.

Хэ Янься с чувством глубокого удовлетворения лежала на её груди, наблюдая, как покрытая мелким бисером пота заснувшая женщина ровно дышит, погружившись в сновидения. За все эти дни она впервые видела, чтобы во сне та смогла разгладить хмурые брови — то ли оттого, что сегодня они слишком сильно устали.

Как вдруг она расслышала тихий бормочущий шёпот лежащей под ней женщины. Хэ Янься не разобрала слов и, наклонившись ближе к Му Цзышань, вслушалась, но, разобрав сказанное, мгновенно оцепенела.

Та звала во сне вовсе не кого-то другого, а имя её младшей соученицы — Цзиньюэ.

Проснувшись, Му Цзышань ещё смутно помнила некоторые обрывки того дня: как она сплеталась в объятиях с этой сумасшедшей демоницей, помнила даже ощущение чужих пальцев на своём теле, собственные стоны и прерывистое дыхание.

Стоило ей только вспомнить об этом, как её охватывало такое жгучее стыдливое отчаяние, что хотелось исчезнуть с лица земли — лишь бы не мучиться вопросом, как теперь смотреть в глаза самой себе. Му Цзышань страстно желала одним ударом меча покончить со своей жизнью, чтобы раз и навсегда стереть след своего существования в этом мире и избавиться от всего, что не хотелось вспоминать. Однако Хэ Янься, словно заранее угадав её мысли, давно связала ей руки и ноги, а вдобавок заставила принять препарат, лишаящий сил и вызывающий слабость во всём теле. Привязанная к постели, она чувствовала себя совершенно бесполезной калекой и, кроме бесконечных ежедневных дум о том, как бы свести счёты с жизнью, не могла делать абсолютно ничего.

После того дня Хэ Янься, вопреки обыкновению, очень долго не показывалась. Раньше, даже когда у неё не было никаких дел, она то и дело заглядывала к Му Цзышань. К тому же Му Цзышань знала, что это комната самой Хэ Янься, и раз та не возвращалась в собственные покои, оставалось только гадать, куда же она ушла.

Впрочем, в отсутствие Хэ Янься Му Цзышань чувствовала себя куда спокойнее: по крайней мере, ей не приходилось целыми днями разрываться между противоречивыми мыслями о том, как убить Хэ Янься, и жгучей ненавистью к собственной беспомощности. Понимая, что срок, о котором она договорилась с сектой, уже близок, Му Цзышань ощутила в сердце проблеск некоего облегчения. Её задание было практически выполнено, и пока удастся спасти жизнь младшей соученицы, её собственная смерть не будет бессмысленной. Она сама была унижена тем человеком до такой степени, что теперь и не знала, как смотреть на себя в этом мире. Му Цзышань боялась, что время от времени в памяти будут всплывать те картины, с которыми она не могла смириться. И вместо того, чтобы терпеть столь долгие муки, не лучше ли было разом покончить с собственной жизнью?

В этом мире больше не осталось ничего, что могло бы ее удерживать. Младшую сестрицу спасли, и та непременно составит с младшим братом Чу идеальную пару, подобную небожителям. Впредь отпадет необходимость защищать ее, а муж наверняка больше не позволит ей изведать ни малейшей горечи.

Родители и близкие Му Цзышань давно покинули этот мир. Сама же она отличалась холодным нравом, и за все эти годы в родной секте у нее почти не было близких друзей. Боялась она лишь одного: если в один прекрасный день она действительно умрет, слезу о ней проронит разве что младшая сестрица, а остальным, пожалуй, будет совершенно плевать, жива она или нет.

Даже продолжая жить на этом свете, она не знала, ради чего ей теперь стремиться вперед. К тому же настанет день, когда придется смотреть, как та женщина выходит замуж и рождает детей, как она постепенно перестает нуждаться в ее заботе и медленно уходит из ее жизни, пока в конце концов вновь не останется лишь одиночество.

Если сейчас можно умереть здесь, обменяв свою жизнь на ее шанс на спасение — пожалуй, это было бы неплохо.

Несколько последних дней настроение Хэ Янься было отвратительным.

Окружавшие ее люди трепетали от страха, боясь ненароком навлечь на себя беду, и при виде приближающейся Красной госпожи дворца норовили поскорее убраться с дороги. Всякому было известно, что в дурном расположении духа Хэ Янься проявляла крайнюю неуравновешенность, и в такие моменты она с особым усердием расправлялась с провинившимися.

В тот день во сне Му Цзышань выкрикнула имя Цзиньюэ, чем смертельно разозлила Хэ Янься. Стоило той вспомнить об этом, как накатывала глухая ярость, хотя причин для гнева она отыскать не могла. Та женщина была всего лишь ее игрушкой; измывалась она над ней просто ради забавы от скуки, а разделять с ней ложе было забавно лишь потому, что казалось занятым. Прошло и прошло — какая разница, чье имя та произнесла во сне? Для Хэ Янься это не имело особого значения. И все же сердце почему-то непостижимым образом наполнилось злобой, которой никак не удавалось найти выход.

Позднее она даже заглянула взглянуть на ту младшую сестрицу, и смятение в ее душе лишь усилилось.

Эта девчонка обладала заурадной внешностью, в лучшем случае ее можно было назвать миловидной и приятной. И что только в ней было такого, ради чего человек готов был снести любые муки и не страшиться смерти? А глядя на нее, Хэ Янься ощущала лишь еще большее недовольство, природа которого оставалась для нее совершенно непостижимой. Когда Хэ Янься снова посмотрела на Му Цзышань, то заметила, что та сильно изменилась по сравнению с предыдущими разами. Раньше Му Цзышань, встречаясь с ней взглядом, либо демонстративно отворачивалась, делая вид, будто не замечает, либо свирепо смотрела в ответ. Именно

благодаря этой несгибаемой гордости Хэ Янься в своё время выделила её среди остальных и со временем стала уделять ей всё больше внимания. Но теперь, глядя на неё, она видела лишь пустой взгляд, как у человека, потерявшего всякий вкус к жизни, чьё сердце уже ничто не способно взволновать.

Неужели всё дело в том, что после той ночи ей стало настолько стыдно, что она захотела наложить на себя руки? Если это действительно так, то мораль, которую внушают эти лицемерные праведники, поистине донельзя прогнила и стала совершенно непонятной. Какой смысл держаться за эти пустые понятия чести и целомудрия, способные заставить человека добровольно отказаться от самой жизни из-за такой чепухи?

Однако в глазах этой женщины не было той жгучей ненависти, которую Хэ Янься ожидала увидеть. Напротив, в них читалось какое-то озадачивающее облегчение. Значит ли это, что её самоуважение было сломлено окончательно и теперь она покорится ей так же беспрекословно, как те женщины-рабыни?.. Но если она превратится в нечто подобное, какой в ней вообще будет смысл? Ведь Хэ Янься привлекала именно её упрямая, несгибаемая гордость.

Хэ Янься всё меньше понимала, чего именно она хочет. Желает ли она замучить до смерти эту непокорную девчонку? Но когда та оказывалась на краю гибели, сама Хэ Янься вовсе не хотела её смерти. Или она стремилась сокрушить всю гордость в её глазах, чтобы втоптать её в грязь под своими ногами? Однако сейчас, глядя на этот потухший взгляд, Хэ Янься не чувствовала ни малейшего интереса, и даже тени прежнего воображаемого удовлетворения не осталось и в помине. И если её целью было лишь жестокое истязание, почему же её так разозлило, когда в полусне та просто позвала по имени другую?

Неведомые желания, поднимающиеся в глубине души, лишали её покоя и равновесия, но она никак не могла понять, куда они ведут, и не была способна подавить их силой собственной воли.

Что эта женщина вообще значит для неё? Хочет ли она, чтобы та жила, или жаждет её смерти? Или просто стремится мучить её так, чтобы та не могла ни жить, ни умереть?

Стоило лишь взглянуть на Му Цзышань, как в сердце Хэ Янься вновь поднималась глухая ярость. Ни на один из этих вопросов не находилось ответа, а клубок запутанных чувств становился всё сложнее, лишая её душевного покоя.

Несколько дней спустя подчиненные доложили Хэ Янься, что возле Дворца Цюньин крутятся подозрительные люди, которые расспрашивают об этих двоих. Хэ Янься отправила людей проверить незнакомцев, и добытые сведения совпали с тем, что ей уже удалось узнать. Хотя внешность и манеры чужаков были тщательно замаскированы, их боевые искусства не обманешь: стоило лишь немного присмотреться, как становилось ясно, что все они — ученики, посланные Сектой Тяньюй, и среди них находился тот самый человек, от которого Лян Цзиньюэ получила своё письмо.

Подчинённые спросили, не нужно ли избавиться от этих лазутчиков, но Хэ Янься лишь

усмехнулась, махнула рукой, велев им удалиться, и приказала пока не трогать чужаков и понаблюдать за ними.

В этот момент она догадалась, чем объясняется недавняя странная перемена в поведении Му Цзышань — всё это, должно быть, было связано с появлением этих людей. Сопоставив события последних дней, Хэ Янься постепенно складывала общую картину. В тот день пленница умоляла пощадить её младшую сестру в обмен на любые издевательства, вероятно, уже зная, что на помощь придут свои. Она пыталась ценой собственной жизни купить для той девочки шанс на спасение. Теперь же, судя по всему, подошёл срок, и она решила, что её миссия выполнена и можно спокойно уходить из жизни.

Эта мысль неожиданно вызвала у неё неприятный укол раздражения: оказывается, всё это время смирение и покорность пленницы были лишь средством дотянуть до прибытия помощи и дать этой девчонке шанс на спасение. И ради столь ничтожной причины она добровольно переносила такие страдания — чего ради она вообще всё это терпела?

Если дело обстоит именно так, то стоит лишь её младшей сестре ускользнуть от погони, как Му Цзышань наверняка потеряет всякое желание жить. Выходило, что эту девчонку нельзя ни убивать, ни позволить спасти тем людям. Но оставлять её во Дворце Цюньин Хэ Янься находила невыносимо раздражающим.

Чем больше она думала об этом, тем сильнее раскалывалась голова. Она никак не ожидала, что когда-нибудь окажется втянута в подобную бессмысленную путаницу и станет жертвой столь противоречивых чувств. И с чего только ей на голову свалилась эта головная боль по имени Му Цзышань?

Безразличный вид Му Цзышань тоже действовал на нервы. Ей уже влили зелье, подавляющее внутреннюю энергию, надёжно привязали к постели, а у дверей дежурило несколько искусных бойцов — сбежать та точно не смогла бы. Но что делать, если в один прекрасный день она надумает покончить с собой? Значит, придётся убрать из комнаты все острые предметы. Если же она вздумает прикусить язык, можно вставить в рот кляп, чтобы челюсти даже не смыкались. А если объявит голодовку — вливать лекарственный отвар силой. Но разве останется хоть какой-то смысл в том, чтобы держать рядом живую куклу, доведённую до такого состояния?

Если дело дойдёт до этого, пленница станет хуже бездушной марионетки, и Хэ Янься не видела ни малейшего удовольствия в том, чтобы истязать того, кто даже не способен отреагировать на боль.

Убивать её было жалко, отпускать — не хватало духу, а удерживать сил не было.

— Всего лишь забава...Хэ Янься смотрела, как Му Цзышань произносит эти слова, словно бы сама с собой. Та лежала на кровати с пустым взглядом, отделенная от неё невидимой стеной, будто очутилась в совершенно ином мире, куда не долетало ни единое слово.

Таким бывает взгляд лишь того, кто всей душой жаждет смерти — пустой и затуманенный,

лишенный всякой надежды на жизнь.

Оказалось, далеко не всё в этом мире подвластно её воле.

Она могла заставить её умереть, но была не в силах заставить её жить.

Даже если силой привязать её к этому миру, эта женщина превратится лишь в бездушную куклу, а та гордая и нестигаемая душа, что пряталась внутри, ускользнет безвозвратно, как ни старайся её удержать.

Но к чему эти терзания? Зачем тратить столько душевных сил и энергии ради такой женщины?

Она всего лишь игрушка.

Какой бы гордой ни казалась, в конце концов, она — лишь игрушка.

Подумала про себя Хэ Янься.

Она снова и снова повторяла эту мысль, словно пытаясь убедить в ней саму себя.

Пусть живет или умирает как знает, в худшем случае она потом найдет себе новую игрушку. Эту несчастную и так слишком долго терзали, позволить ей умереть — значит проявить милосердие, избавить от бесконечных мук.

Однако жгучее раздражение в груди никак не унималось, ярость грозила вырваться наружу, и стоило лишь взглянуть на лежащую перед ней женщину, как душевный покой исчезал без следа.

После того как Му Цзышань пришла в себя, знакомая волна палящего жара снова затопила всё её тело. После той ночи страсти Хэ Янься больше не подсыпала ей зелье и даже не прикасалась к ней, но почему-то вновь заставила её испытать эту отраву.

Возможно, из-за того, что в последнее время ей слишком часто давали это зелье, а может, из-за долгих намеренных и случайных ласк Хэ Янься, тело Му Цзышань стало намного чувствительнее, чем прежде. Не прошло и много времени после приема снадобья, как она погрузилась в полумрак забытья: тело охватил жар, а дыхание сделалось тяжелым и сбивчивым.

Сквозь пелену тумана она увидела силуэт Хэ Янься, но очертания расплывались, и нельзя было разобрать, не очередной ли это нелепый кошмар. От принятого зелья все чувства переплелись и спутались в такой хаос, что стирались границы между явью и сном, а боль и блаженство сливались воедино.

В туманной дымке ей показалось, будто уголки губ Хэ Янься слегка приподнялись, но в этой улыбке не было ни капли тепла — лишь леденящий душу холод. На этот раз на её губах не играла привычная насмешливая ухмылка.

Быть может, это всего лишь очередной безумный кошмар, еще один мир, где стерты грани между правдой и ложью, добром и злом.

Быть может, бесконечные мучения просто принесли Му Цзышань усталость и оцепенение, лишив последних сил к сопротивлению и надежды на жизнь.

Пусть всё идет своим чередом, пусть само её существование постепенно растворится в этом мире. Раз уж у нее не осталось никаких привязанностей, почему бы не отпустить всё и не обрести долгожданное облегчение?

Хэ Янься легко развязала тесемки одежды, и гладкие, нежные руки скользнули под ткань, продолжая блуждать по ее телу.

Новая волна жара в голове слилась со стоном, дыхание стало еще тяжелее, а мысли полностью исчезли.

Хэ Янься опустилась ниже, целуя мочку ее уха, нежно покусывая и прихватывая зубами кожу, а затем скользнула губами вниз по шее.

За эти дни Хэ Янься изучила все чувствительные точки на теле Му Цзышань лучше, чем кто-либо, и теперь словно нарочно наносила удары именно по этим уязвимым местам, вмиг заставляя Му Цзышань прерывисто и часто дышать.

В глазах Хэ Янься полыхал глубокий огонь, явственно и опаляюще отсвечивая гневом и ненавистью, однако действовала она на удивление хладнокровно, словно каждое движение было тщательно выверено и не допускало ни малейшей ошибки. Впрочем, в этом сложном выражении взгляда охваченная туманом Му Цзышань разобраться уже не могла.

Намеренно дразня каждую уязвимую точку на ее теле, гладкие и нежные пальцы скользили повсюду — ласкали, терли, легонько щипали, разжигая в душе Му Цзышань крошечную искру, которая мгновенно превращалась в пожар, пожирающий всё тело.

Между бровей, за ушами, на шее, плечах, ключицах, груди... а затем медленно спускаясь ниже, оглаживая стройные и изящные ноги Му Цзышань. Мягкие мозоли на пальцах Хэ Янься царапали гладкую кожу, пока наконец ее рука не проникла в сочную влагу между ног.

Движения Хэ Янься были куда более сдержанными и холодными, чем раньше, даже температура ее тела словно упала на несколько градусов. Вместо того чтобы терпеливо дразнить жертву, как в прошлый раз, она сразу запустила руку под одежду Му Цзышань — с настойчивой, грубоватой спешкой, но при этом безошибочно находя каждую чувствительную точку. Погружаясь то глубже, то выше, она двигалась взад и вперед, и вскоре тело Му Цзышань напряглось и затрепетало, а сознание окончательно погрузилось в туманный хаос.

Дыхание участилось, стоны стали тяжелее.

Кровь в жилах закипела, раскалившись до предела.

Этот стон, раздавшийся прямо у уха, казался до боли знакомым и пробуждал в душе жгучее чувство стыда.

Тело помимо воли отзывалось на каждое движение этой женщины.

Мир вокруг словно обратился в ничто.

Даже собственное существование казалось призрачным и зыбким.

Лишь когда всё закончилось и они обе устали до седьмого пота, рассудок на мгновение прояснился. Перед глазами постепенно проступило лицо Хэ Янься, и вместе с прозрением накатило непреодолимое, сжигающее чувство стыда.

Хэ Янься хранила холодное выражение лица, на нем не осталось даже привычной насмешливой улыбки. И тут сквозь тишину Му Цзышань расслышала доносившиеся из-за ширмы на другой стороне комнаты прерывистые, тихие всхлипывания. Этот звук ударил по ней громовым раскатом: от ужаса ее тело забилося в мелкой дрожи, а сердце так сжалось в тисках, что стало трудно дышать.

Даже без единого произнесенного слова этот голос был слишком знаком Му Цзышань — от него кровь в жилах застыла и словно потекла в обратном направлении, а тело оцепенело.

Словно душу вырвали из груди.

И всё же на самом дне сердца теплилась отчаянная, безумная надежда: а вдруг она просто расслышалась, вдруг это чей-то чужой, похожий голос?

На губах Хэ Янься наконец заиграла жестокая улыбка, и она медленно заговорила:

— С того самого дня, как я выжгла у тебя на груди это клеймо, ты можешь быть лишь моей пленницей, моей рабыней.

— На твоей груди выжжен Чернильный Пылающий Лотос Дворца Цюньин. Куда бы ты ни сбежала на край света, стоять кому-то увидеть этот знак, как тебя тут же схватят и вернут обратно.

— Теперь ты моя игрушка, и всегда будешь только моей игрушкой...

В глазах Хэ Янься мерцали звезды, взгляд был словно соткан из сложных, древних и таинственных узоров, и никто не смог бы разобрать скрытых за ними чувств — возможно, даже она сама не до конца понимала их.

В душе Му Цзышань бушевала буря эмоций, в то время как в голове стояла абсолютная пустота. Она слышала слова Хэ Янься, но не могла в ответ вымолвить ни слова.

А та непринужденно поднялась, поправила одежду и, легкая, словно только что всего лишь заглянула пообедать, ступила с кровати на пол и шаг за шагом направилась к ширме.

Безумный голос в голове Му Цзышань кричал, умоляя Хэ Янься остановиться, умоляя не делать ни шагу дальше, но горло словно свело тисками, не позволяя издать ни звука — слова застряли комком, причиняя невыносимую боль.

Шаг, шаг, шаг... Наконец она дошла до ширмы и с улыбкой обернулась, словно желая вдоволь насладиться страхом в ее глазах. Этот взгляд и эта улыбка вонзились в сердце Му Цзышань острее любого клинка, затмив собой любые жесточайшие пытки.

Наконец женщина резким движением отдернула ширму.

Кто же рыдал в захлеб за этой ширмой, если не ее младшая ученица Цзиньюэ...

Выходит, весь этот постыдный спектакль от начала и до конца предстал перед глазами Цзиньюэ.

В миру не зря шептались, что Хэ Янься — самая безжалостная на свете женщина. Столь изощренная жестокость превосходила даже расчленение заживо.

Оказалось, полностью уничтожить чью-то гордость — еще не самая страшная кара.

Самая жестокая пытка на свете — это выставить напоказ всё самое потаенное, самое позорное перед тем, кто тебе дороже всего на свете. По сравнению с этим разве могли идти в сравнение те пытки Дворца Цюньин, от которых люди не могли ни жить, ни умереть?

Руки и ноги Цзиньюэ были крепко связаны, а циркуляция ци по меридианам запечатана — она не могла ни пошевелиться, ни издать звука. И всё же, увидев всё это, она не могла сдержать слез и горьких рыданий. Удивление, гнев или те смутные, невыразимые чувства — всё выплекивалось наружу лишь в виде слез. Даже если бы Хэ Янься соизволила снять с нее печать немоты, вряд ли девушка смогла бы вымолвить хоть слово.

Завидев Цзиньюэ, Му Цзышань так и замерла на постели, не в силах пошевелить ни единым суставом, не способная издать ни звука. В голове оглушительно гремели разнородные голоса, а внутренний голос исступленно вопил, едва не доводя ее до безумия.

Но, глядя на заплаканное лицо Цзиньюэ, она по-прежнему не могла произнести ни слова.

Как же хотелось ослепнуть, чтобы больше не видеть, как Цзиньюэ смотрит на нее со смешанным с ужасом гневом сквозь пелену слез.

Как же хотелось оглохнуть, чтобы больше не слышать ее хриплых, задавленных рыданий.

Как же хотелось потерять всякую чувствительность, чтобы больше не испытывать эту жгучую боль от собственного бесчестия — такую сильную, что хотелось исчезнуть из этого мира раз и навсегда.

Гордость, самоуважение и даже последняя искорка надежды на жизнь — всё было отнято этой женщиной до последней крошки.

Му Цзышань, вынесшая все пытки и не склонившая головы перед Хэ Янься, в этот миг окончательно осознала, что проиграла ей вчистую. Ее дух испарился, а сердце превратилось в пепел.

И пусть та забирает всё остальное — какая разница? Всё равно самого дорогого в этом мире у нее больше не осталось, она потеряла абсолютно всё.

Хэ Янься стояла на другом конце комнаты и молча смотрела на Му Цзышань, ее лицо оставалось беспристрастным.

Она и сама не знала, зачем поступила так, но всё равно сделала это.

Быть может, из тайной злобы на то, почему эта девчонка так дорога Му Цзышань, и потеряла рассудок из-за этой глупой мелочи.

<http://bllate.org/book/20982/2130317>